

Изъ Кавказскихъ воспоминаній В. А. Инсарскаго.

Повѣдка въ Баку.

Въ Биржевыхъ Вѣдомостяхъ 1867 года (№ 333, отъ 11 декабря) появилась небольшая замѣтка Н. Д. Дмитріева, конечно обратившая на себя вниманіе того, кто слѣдитъ за успѣхами Русской исторіографіи. Въ замѣткѣ этой говорится о неизданныхъ Запискахъ Василія Антоновича Инсарскаго, и сказано между прочимъ слѣдующее: „Пишущему эти строки довелось прочесть нѣсколько отрывковъ изъ Записокъ, веденныхъ В. А. Инсарскимъ, бывшимъ директоромъ канцеляріи при главнокомандующемъ на Кавказѣ, князѣ Барятинскомъ, а нынѣ московскимъ почтъ-директоромъ. Довольно значительное положеніе по службѣ, огромный кругъ лицъ, съ которыми автору приходилось быть въ сношеніяхъ, важныя событія, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ,—событія, кои составятъ славныя страницы нашей исторіи,—все это доставило автору богатѣйшій матеріалъ для занимательности „Записокъ“. Но наблюдательность, умѣнье уловлять характеристическія черты лицъ и происшествій, способность рассказывать просто и свободно, сообщаютъ Запискамъ особое, такъ сказать субъективное, достоинство, которое не часто встрѣчается. Мы читали далеко не всѣ Записки, о которыхъ говоримъ, поэтому рѣшительнаго слова о всемъ вообще трудѣ В. А. Инсарскаго произнести не можемъ; но то, что нами прочитано, безъ преувеличенія, прекрасно. Описывая событія Кавказа, авторъ положительно переноситъ васъ въ его заоблачныя страны; вы видите этихъ отважныхъ бойцовъ, покорившихъ область, гдѣ кровавымъ боемъ нужно было брать каждый камень, каждый перелѣсокъ, каждый шагъ. Авторъ водить читателя по тропинкамъ, висящимъ надъ пропастями, по которымъ, однако же, вабились арміи,

артиллерія и проч.; авторъ вступаетъ съ читателемъ въ лѣса, гдѣ каждое дерево—засада, каждый шагъ—погибель; онъ рассказываетъ, напимѣръ, что значатъ эти *просьбы*, о которыхъ мы такъ спокойно и равнодушно читали въ реляціяхъ, между тѣмъ какъ посредствомъ ихъ совершилось главныя образы покореніе Кавказа. Проведеніе ихъ стоило арміи не менѣе сраженій; по нимъ шагъ за шагомъ двигались наши рати въ глубь неприступной страны; онъ, какъ иглы, впивались въ грудь чудовища, отстаивавшаго себя слишкомъ нолвѣка противъ могущественнѣйшаго государства. Авторъ представляетъ намъ какъ главныхъ дѣятелей этой войны, такъ и простыхъ ея сподвижниковъ, героевъ знаменитой арміи, оставившей за собою историческое имя *Кавказской арміи*. Записки исполнены рѣдкаго интереса; онѣ занимательны не только своимъ содержаніемъ, своею историческою стороною, но мѣстами истинною поэзіею. Авторъ задалъ себѣ задачу—не *мудрствовать лукаво*, не дѣлать изъ себя цеховаго писателя, а просто записать для памяти то, что видѣлъ и слышалъ. Отъ этой простоты замысла и отъ богатства содержанія и вышло прекрасное дѣло: поэзія природы, поэзія подвиговъ и лицъ—ложились самою по собою подъ перо занимательнаго рассказчика. Событія и дѣятели ихъ отливались, какъ живые, въ свободныя и типическія формы. Лучшимъ доказательствомъ занимательности Записокъ служить слѣдующее: онѣ читаются съ глубочайшимъ интересомъ даже тамъ, гдѣ авторъ говоритъ о событіяхъ, по видимому, не способныхъ интересовать равнодушнаго читателя, какъ напр. о домашнихъ своихъ дѣлахъ, семейныхъ и т. п.“

По обязательной благосклонности своей, В. А. Инсарскій доставилъ намъ возможность личнымъ опытомъ убѣдиться въ совершенной вѣрности этой характеристики. Мы испытали высокое наслажденіе, перечитывая рукописные

томы этихъ увлекательныхъ Записокъ, обнимающихъ собою болѣе четверти недавно прожитаго вѣка.

Полное отсутствіе личныхъ пристрастій при изложеніи, которое однако постоянно согрѣто искреннимъ чувствомъ, рѣдкое умѣніе не теряться въ мелочахъ, но схватывать крупныя и рѣдкія черты лицъ и событій, наконецъ самое разнообразіе и важность содержанія,—содѣлаютъ эти Записки истинно драгоценными для будущаго историка эпохи, почти намъ современной. Вполнѣ признавая и уважая условія скромности, налагаемыя симъ послѣднимъ обстоятельствомъ, мы испросили однако позволенія у многоуважаемаго автора—по нижеслѣдующему отрывку хотя нѣсколько познакомить читателей Русскаго Архива съ пріемами труда его, коему вполнѣ придаемъ значеніе исторіографическое. *П. Б.*

ПОѢЗДКА ВЪ БАКУ.

Не смотря на пріятныя и почетныя отношенія, которыми окружилъ меня Кавказъ съ самаго пріѣзда моего туда, я не могъ не испытывать въ моемъ положеніи нѣкотораго тревожнаго раздвоенія. Одною половиною я принадлежалъ Кавказскому міру, а другою Петербургу, откуда моя семья, по моимъ планамъ и указаніямъ, должна была сдѣлать огромный переѣздъ на Кавказъ. Переѣздъ этотъ я направилъ воднымъ путемъ, рассчитывая, что онъ во всякомъ случаѣ представляеть несравненно болѣе спокойствія, чѣмъ сухопутное путешествіе по нашимъ дорогамъ и чрезъ наши станціи. И дѣйствительно, при содѣйствіи нѣкоторыхъ связей и безчисленныхъ писемъ, которыя я разсылалъ во все концы міра, семейство мое совершало это путешествіе съ величайшими удобствами. Оно направлялось на Астрахань, а оттуда на Баку. Въ то время находился въ ходу вопросъ о подчиненіи Астраханской губерніи Кавказскому управленію, и поэтому понятно,

въ какихъ любезныхъ отношеніяхъ къ этому управленію находились тамошнія власти. Кавказскій намѣстникъ, князь Александръ Ивановичъ Барятинскій, по моей просьбѣ, писалъ туда, чтобы, по прибытіи въ Астрахань моего семейства, устроить его тамъ и потомъ отправить въ Баку самымъ благонадежнымъ образомъ. Тогда между Астраханью и Баку существовало довольно жалкое, такъ называемое „почтовое пароходство.“ По Кавказскому календарю значилось, что пароходы изъ Астрахани идутъ въ Баку два раза въ мѣсяцъ: 1-го и 15-го и при благоприятныхъ обстоятельствахъ приходятъ туда на пятый день. Съ простодушіемъ неопытности, довѣряя этимъ печатнымъ заявленіямъ, я въ письмахъ своихъ къ семьѣ настоятельно требовалъ, чтобы прибытіе ея въ Астрахань послѣдовало непременно въ концѣ августа. Я рассчитывалъ, что если въ одинъ и тотъ же день, 1-го сентября, семья моя отправится изъ Астрахани, а я выѣду, на встрѣчу ей, изъ Тифлиса, то мы можемъ съѣхаться въ Баку также въ одинъ и тотъ же день. Разница могла заключаться только въ нѣсколькихъ часахъ.

Та самая карета, которая привезла меня изъ Петербурга въ Тифлисъ, карета поразительная по своей крѣпости, помчала меня въ гор. Баку, который отстоитъ отъ Тифлиса на разстояніи до 600 верстъ. Мнѣ говорили, что на этомъ пространствѣ ѣздить просто невозможно: до такой степени эта полоса исполнена лихорадочными мѣзмами; нѣкоторые прибавляли, что проѣздъ тутъ даже въ сентябрѣ не совсѣмъ безопасенъ. Не знаю почему, но все эти рассказы казались мнѣ преувеличенными, и я смѣло, ни о чемъ не думая, пустился въ путь, въ радостной надеждѣ слиться наконецъ съ своей семьей, съ которой разлучился въ первый разъ и, которой не видалъ восемь мѣсяцевъ.

Дѣйствительность подтвердила однако же въ значительной степени всѣ эти рассказы. Несмотря на нѣкоторое оффиціальное значеніе, которое я началъ сознать въ себѣ, я сталъ встрѣчать затрудненія въ полученіи лошадей, а еще болѣе конвоя. На мои грозныя разглагольствія, мнѣ спокойно предлагали взглянуть на помѣщенія ямщиковъ и казаковъ, что я и дѣлалъ разъ или два. Видѣ этихъ помѣщеній былъ поразителенъ: на широкой лавкѣ, или такъ называемыхъ нарахъ, валялись въ безпорядкѣ различныя фигуры съ страшно-блѣдными и изможденными лицами, съ запекшимися и полопавшимися губами, съ открытыми ртами, наполненными мухами, фигуры мертвецовъ, въ жару и бреду испускающія стоны. Я щедро раздавалъ хинныя порошки, которыми запаса въ изобиліи въ Тифлисѣ и ѣхалъ далѣе, сдерживая уже свои претензіи, въ виду страшныхъ страданій человечества на этой полосѣ земли.

Надо замѣтить, что независимо отъ болѣзненныхъ опасностей, путь отъ Тифлиса къ Елисаветполю, не смотря на то, что онъ лежитъ внутри мирнаго края, далеко не безопасенъ для путешественниковъ и въ другомъ отношеніи. Татарское населеніе, занимающее эту полосу и неимѣющее ничего общаго съ храбрымъ мусульманскимъ населеніемъ враждебныхъ горцевъ, — постоянно занимается грабежами. Въ моемъ департаментѣ сосредоточивались всѣ донесенія о происшествіяхъ: большая часть происшествій совершается именно на этомъ пространствѣ. Ночью тутъ вовсе не ѣздятъ, за исключеніемъ курьеровъ. Лишенные всякой храбрости, эти татары всегда нападаютъ тамъ, гдѣ на ихъ сторонѣ тройная или четверная сила и гдѣ всякое сопротивленіе не возможно. Самая форма нападенія чрезвычайно подлая и всегда начинается или татарскимъ привѣтствіемъ, или какою-нибудь пустою просьбою, при-

чемъ эти хищники высматриваютъ, какое у васъ оружіе и съ какой стороны лучше на васъ напасть. Разсказовъ объ этихъ нападеніяхъ и грабежахъ, и именно на этомъ пространствѣ, ходитъ въ Тифлисѣ бездна. Со мною однако-же не случилось ничего особеннаго, и я совершенно благополучно достигъ границы Шемахинской губерніи, переименованной впоследствии въ Бакинскую.

Незадолго предъ тѣмъ, губернаторомъ въ эту губернію назначенъ былъ князь Константинъ Тархановъ, братъ того знаменитаго Кавказскаго героя князя Іосифа Тарханова, котораго самъ князь А. И. Барятинскій, называлъ „храбрѣйшимъ изъ храбрыхъ.“ Князь Константинъ Тархановъ слылъ на Кавказѣ чрезвычайно умнымъ и опытнымъ человѣкомъ; но если я мало зналъ въ то время князя Тарханова и вовсе не интересовался назначеніемъ его губернаторомъ въ Шемахинскую губернію, то такой проницательный человѣкъ не могъ не интересоваться моею личностью.... Неожиданное, но вѣрное доказательство тому явилось на Мингачаурской переправѣ черезъ Куру, которая составляетъ границу, отдѣляющую Шемахинскую губернію отъ Тифлисской. Я сказалъ уже, что путешествіе мое въ предѣлахъ Тифлисской губерніи не имѣло ничего блестящаго. Мнѣ было самому совѣстно требовать значительнаго конвоя, когда почти всѣ казакъ походили на мертвецовъ. Съ этими скромными возрѣніями я передвигался на паромѣ черезъ мутную Куру, погруженный въ разнородныя мечтанья о семействѣ, которое ѣхалъ встрѣчать, о Петербургскомъ мірѣ, съ которымъ разстался, о новомъ Кавказскомъ мірѣ, мірѣ, столь пестромъ и своеобразномъ, въ который я погрузился. Въ этихъ мечтаніяхъ я взглянулъ на противоположный берегъ, къ которому приближался, и по обыкновенію глаза мои встрѣтили одинъ изъ духановъ, которыхъ такъ

много разбросано на всѣхъ точкахъ Закавказья. Кругомъ духана было много татарскихъ фигуръ, какъ всегда вооруженныхъ, изъ которыхъ одни лежали, другія стояли и третьи ходили, образуя разнообразныя группы; не вдалекѣ было много лошадей, частью осѣдланыхъ, очевидно принадлежащихъ этимъ татарамъ. Все это выѣстъ представляло такую обыкновенную картину, что она вовсе не обратила на себя особеннаго моего вниманія. Когда я и экипажъ мой очутились на берегу, одинъ изъ татаръ приблизился къ моему камердинеру и началъ съ нимъ продолжительно шептаться. Оказалось, что вся эта толпа, подъ предводительствомъ помощника участковаго заѣздателя, то-же изъ татаръ, по распоряженію Шемахинскаго губернатора, уже нѣсколько дней ожидаетъ здѣсь изъ Тиолиса какого-то генерала, чтобъ составить его конвой, и что этотъ генералъ именно я и есмь. Мигомъ все бросилось къ верховымъ лошадямъ и образовало изъ что въ родѣ эскадрона. Нѣкоторое, слабое впрочемъ, чувство пріятности, производимое такимъ почетомъ, заглушалось совершенно во мнѣ заботами о тѣхъ отношеніяхъ, въ которыя я долженъ поставить себя къ этимъ людямъ, отношеніяхъ, которыя, по неопытности моей, представлялись мнѣ чуждыми и стѣснительными. Тысячи самыхъ разнообразныхъ соображеній мгновенно пролетѣли въ моей головѣ. Я вспомнилъ неоднократно высказанныя мнѣ княземъ Александромъ Ивановичемъ замѣтки, что въ азіатскомъ краю власть и проводники ея должны отличаться важностью и силой, и что малѣйшая уступка въ этомъ отношеніи принимается всегда за признакъ слабости; потомъ мнѣ пришло въ голову, что какой же я начальникъ, и что если буду важничать, то буду смѣшнѣе, прежде всего, въ собственныхъ своихъ глазахъ (а этого особенно я избѣгалъ, и довольно удачно, въ теченіи всей

моей жизни), наконецъ, и болѣе всего, меня мучило то, что если я на первыхъ же порахъ надѣлаю чепухи въ томъ или другомъ отношеніи, то непремѣнно сдѣлаюсь баснею всего края, подобно пріятелю моему.... Процессъ этой внутренней борьбы долженъ былъ совершиться быстро, ибо предъ моими глазами стоялъ цѣлый отрядъ верховыхъ татаръ, какъ-то тупо и безпокойно смотрящихъ на мою карету, а предъ самыми дверцами ея торчалъ почтенный, сѣдой старикъ-татаринъ, несмотря на тридцатипятиградусный жаръ, одѣтый въ какую-то короткую мѣховую шубу съ огромной на головѣ папай, изъ подъ которой по бритому лбу текли обильные ручьи грязнаго пота. Я рѣшился вести себя истиннымъ представителемъ Петербурга въ томъ вниманіи, что если и надѣлаю глупостей, то ужъ самыхъ любезныхъ, цивилизованныхъ, которыя мнѣ простятъ скорѣе, чѣмъ проявленіе какого нибудь напыщеннаго самодурства. Принявъ такое рѣшеніе, я выскочилъ изъ кареты, при помощи переводчиковъ вступилъ въ любезныя объясненія съ почтеннымъ старикомъ, жалъ ему руки и повелъ его въ комнату духана. Тамъ я старался объяснить ему, какъ неожиданно для меня такое вниманіе, какъ я глубоко благодаренъ за него, какъ мнѣ совѣстно, что я причиною такого безпокойства и т. п. Съ своей стороны, умный старикъ увѣрялъ меня, что это ничего, что имъ тоже пріятно встрѣтить меня, въ доказательство чего привелъ, что многіе беки (дворяне) сами вызвались конвоировать меня. Я просилъ представить ихъ мнѣ, жалъ имъ руки на петербургскій манеръ и вообще старался очаровать этихъ полудикихъ сыновъ страны хотя древней, но тоже еще значительно дикой. Когда я узналъ, что старикъ будетъ провожать меня чрезъ весь свой участокъ, т. е. нѣсколько станцій, и все верхомъ, я рѣшительно предъявилъ протестъ про-

тиву такого намѣренія; и когда убѣдился, что слова мои не имѣютъ достаточной силы, сталъ упрашивать старика, чтобъ онъ ѣхалъ со мной въ каретѣ, объявивъ, что въ противномъ случаѣ не тронусь съ мѣста. Старикъ долженъ былъ уступить моимъ настояніямъ, хотя скоро обнаружилось, что какъ эти настоянія, такъ и его уступчивость, равно были опрометчивы. Начать съ того, что, выросши на конѣ, онъ никогда не залѣзалъ въ изобрѣтенную цивилизаціею квадратную клѣтку, обхватившую его со всѣхъ сторонъ, да едва-ли и видѣлъ ее когда нибудь. Потомъ онъ долженъ былъ, одѣтый въ мѣховое, т. е. самое почетное платье, закупориться въ эту клѣтку въ страшнѣйшую жару, когда и на открытомъ воздухѣ не было никакой прохлады. Къ этому прибавить надо, что онъ не говорилъ по русски, а я не понималъ ни слова по татарски.... Когда помчалась карета наша, качаемая со стороны на сторону неровною дорогою, я тотчасъ замѣтилъ на лицѣ моего собесѣдника величайшее безпокойство: при малѣйшемъ колебаніи экипажа онъ постоянно хватался за что нибудь, обильный потъ изъ подъ папахи пролагалъ по бритому лбу новые ручьи. Видно было, что подъ видомъ любезности я погрузилъ сего почтеннаго мусульманина въ адскія муки; мнѣ было ужасно совѣстно, тѣмъ болѣе, что я не имѣлъ средствъ улучшить его положеніе. Сначала я показывалъ ему, какъ извѣстная пружина подъ каретными стеклами мгновенно подхватываетъ занавѣски, при чемъ онъ говорилъ: „якши“. (хорошо); но скоро убѣдился, что на этой штуцѣ трудно утвердить его спокойствіе, и потому нашелъ самымъ приличнымъ въ этомъ затруднительномъ положеніи закрыть глаза и притвориться спящимъ, предоставляя моего спутника его судьбѣ.... Скоро, однакоже, я дѣйствительно заснулъ, а когда проснулся, то моего товари-

ща не было уже въ каретѣ: онъ лѣтѣлъ на конѣ впереди конвоя и разсѣкалъ вечерній воздухъ. Мнѣ, конечно, не было надобности доискиваться причинъ, почему онъ оставилъ мою петербургскую карету и предпочелъ огненнаго карабахскаго коня.... Сопровождаемый почетнымъ конвоемъ, который смѣнялся на каждой станціи, я прилетѣлъ такимъ образомъ въ Шемаху, городъ, довольно значительный, но чисто азіатскій, состоящій почти исключительно изъ сакель, среди которыхъ изрѣдка возвышались дома зажиточныхъ людей. Отобѣдавъ у губернатора, я, несмотря на всѣ его убѣжденія погостить въ Шемахѣ, на другой же день, равнымъ утромъ, отправился въ Баку, положительно сѣдаемый нетерпѣніемъ свидѣться съ моимъ семействомъ.

Баку лежитъ отъ Шемахи въ 100 верстахъ, и потому въ тотъ же день къ вечеру я завидѣлъ синія воды Каспійскаго моря, на берегу котораго этотъ городъ стоитъ. Еще верстѣ за семь отъ Баку на встрѣчу мнѣ двигался какой то тарантасъ, въ которомъ, съ постепеннымъ приближеніемъ его къ намъ, можно было разсмотрѣть мундирную фигуру. Я тотчасъ смекнулъ, что эта фигура тоже путешествуетъ, такъ сказать, на мой счетъ. И дѣйствительно, за нѣсколько шаговъ до окончательной встрѣчи, фигура выѣзла изъ тарантаса и стала въ почтительное положеніе посреди столбовой дороги. Поравнявшись съ нею, я тоже вышелъ изъ кареты и узналъ, что это былъ Бакинскій уѣздный начальникъ, Пигулевскій, „имѣвшій честь явиться“. За эту честь я сильно укорялъ Пигулевскаго и просилъ его пристроить меня какъ нибудь въ Баку. Пигулевскій сталъ доказывать, что если я не остаюсь у него, то это будетъ кровной для него обидой и позоромъ на всю губернію. Во всей фигурѣ этого господина и особенно въ манерѣ его изъя-

сняться видно было какое-то добродушіе, смѣшанное съ замѣчательнымъ остроуміемъ. Все это на первыхъ же порахъ произвело на меня весьма пріятное впечатлѣніе, такъ что я предоставилъ ему дѣлать со мною, что хочетъ и знаетъ. Это доброе первоначальное впечатлѣніе не обмануло меня. Послѣдствія вполне подтвердили, что это былъ дѣйствительно отличный господинъ. Когда заключены были наши предварительные переговоры, Пигулевскій сѣлъ въ свой тарантасъ, пригласивъ мою карету слѣдовать за нимъ. Въѣхавъ въ самый городъ, я нашелъ, что онъ лучше Шемахи уже потому собственно, что стоялъ на берегу моря и оживлялся кипучею дѣятельностью на пристаняхъ. Въ Ваку же существовала морская станція. Съ начальникомъ этой станціи, Фрейгангомъ, я познакомился тутъ-же, проѣзжая городъ. При въѣздѣ въ какіе-то ворота, произошла остановка, которая заставила насъ выйти изъ экипажей; въ этотъ моментъ проходилъ въ тѣ же ворота Фрейгангъ, котораго Пигулевскій тотчасъ и представилъ мнѣ. Наконецъ мы добрались до дома уѣзднаго начальника, въ которомъ Пигулевскій и отвелъ мнѣ нѣсколько комнатъ. Пигулевскій былъ женатъ и имѣлъ дѣтей; но въ это время все семейство его, какъ онъ увѣрялъ меня еще на дорогѣ, было въ отсутствіи гдѣ-то у родственниковъ. Домъ стоялъ почти на самомъ берегу моря, былъ въ одинъ этажъ и отличался такою чистотою и уютностью, что я и теперь съ величайшимъ удовольствіемъ вспоминаю свѣтлыя прекрасныя комнаты, въ которыхъ рассчитывалъ провести нѣсколько часовъ, а провелъ, по велѣнію судьбы, почти около мѣсяца. Къ величайшему моему счастью оказалось, что на берегу моря, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома, находилась ваяна, въ которую я мгновенно и бросился и въ которой потомъ ежедневно нырялъ по нѣскольку разъ.

Освѣженный волнами Каспійскаго моря, я возвратился въ свои комнаты. Суетливый и хлѣбосольный Пигулевскій тотчасъ забросалъ меня безчисленными вопросами по части продовольствія. Я отвѣчалъ ему рѣшительно, что владѣю изряднымъ аппетитомъ и съ удовольствіемъ буду ѣсть все, что мнѣ дадутъ, и что по части тонкостей гастрономическихъ я совершеннѣйшій невѣжда. При наступленіи времени ужина я былъ, однако, значительно смущенъ, когда для приготовленія стола явилась какая-то татарская, довольно гризноватая, какъ всегда, фигура въ засаленномъ архаукѣ, въ огромной бараньей шапкѣ, надѣтой на бритую голову, и съ кинжаломъ за поясомъ, ужасающей величины. Скоро, впрочемъ, я позналъ истинно неоцѣненные достоинства этой азиатской персоны: это былъ такой великолѣпный буфетчикъ или дворецкій, какъ хотите, что дай Богъ и русскому, во всякомъ порядочномъ домѣ. Назывался онъ, сколько помню, какимъ то „ага“. Этотъ „ага“ скоро сдѣлался истиннымъ моимъ пріителемъ и своими распоряженіями по части завтраковъ, обѣдовъ, ужиновъ приводилъ меня въ полнѣйшее восхищеніе. Само собою разумѣется, что значительная доля этого восхищенія принадлежала по справедливости повару, который, къ удивленію, тоже оказался „артистомъ“, что, впрочемъ, и надо было предугадывать уже потому собственно, что онъ былъ бѣглый, т. е. человѣкъ съ дарованіемъ и стремленіемъ къ свободѣ. Однимъ словомъ, съ этой стороны, со стороны хозяйственной, я, по пословицѣ, „катался какъ сыръ въ маслѣ“.

Но въ моемъ путешествіи, конечно, эта сторона менѣе всего принималась въ расчетъ: только силою сложившихся обстоятельствъ я вынужденъ былъ ознакомиться съ нею. Въ моихъ пѣляхъ не было ни бакійскаго повара, ни туземнаго метрдотеля, ни даже

самого Пигулевскаго; мнѣ нуженъ былъ пароходъ, который долженъ былъ привезти мнѣ мое семейство. Увы! эта-то именно цѣль не только отдалилась, но и осложнилась такими событіями, о которыхъ и вспомнить страшно. Начать съ того, что мнѣ тотчасъ пришлось убѣдиться въ истинѣ, еще Фамусовымъ провозглашенной: „всѣ врутъ календари“. Кавказскій календарь, въ примѣненіи къ моему положенію, совралъ презнаменито. Когда я въ тотъ же вечеръ, какъ пріѣхалъ въ Баку, спросилъ за ужиномъ собесѣдниковъ: въ какомъ часу на другой день можно ожидать прибытія парохода изъ Астрахани, я тотчасъ замѣтилъ на всѣхъ лицахъ какую-то проницательную улыбку. Улыбка эта разъяснилась такимъ образомъ, что съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ міръ стоитъ, или по крайней мѣрѣ съ тѣхъ, какъ существуетъ между Астраханью и Баку такъ называемое почтовое пароходство, никогда не случалось, чтобы пароходъ приходилъ, какъ сказано въ календарѣ, на пятый день; что пароходы отходятъ изъ Астрахани и приходятъ въ Баку, какъ Богъ дастъ, совершенно случайно; что маленькіе, плоскодонные эти пароходишки ползутъ, какъ раки и при малѣйшей непогодѣ укрываются гдѣ нибудь и стоятъ тамъ, тоже сколько случится; что при самомъ отходѣ изъ Астрахани, они тотчасъ натываются на такъ называемую „Бирючью косу“ и стоятъ тамъ до тѣхъ поръ, пока Богъ подбавитъ водицы и дастъ пароходу возможность перескочить чрезъ нее; что, наконецъ, тотъ пароходъ, который, согласно росписанію, напечатанному въ коварномъ календарѣ, долженъ былъ выйти изъ Астрахани 1-го сентября, недавно только прошелъ мимо Баку въ дальнѣйшіе порты; слѣдовательно надо ждать, во первыхъ, когда онъ пройдетъ назадъ въ Астрахань и во вторыхъ, когда потомъ уже снова пойдетъ изъ Астрахани, на что,

по самому умѣренному расчисленію, потребуется около мѣсяца.

Всѣ эти неутѣшительные рассказы я слушалъ съ чувствомъ, понятнымъ каждому. Оно сдѣлается еще понятнѣе, когда къ этимъ рассказамъ прибавляли, что теперь прибытіе парохода еще труднѣе опредѣлить съ точностію потому, что сентябрь и октябрь мѣсяцы самые дурные и затруднительные для плаванія по Каспійскому морю, въ чемъ я самъ имѣлъ полную возможность убѣдиться, слушая, съ одной стороны, дикія завыванія вѣтра, а съ другой смотря собственными глазами на вздымающіяся горами волны съ террасы, устроенной при домѣ. Неопредѣленное утѣшеніе я находилъ въ томъ только, что Астраханскимъ властямъ писано было самимъ княземъ принять всевозможныя мѣры къ благополучному путешествію моего семейства. Мнѣ представлялось, хотя конечно очень неположительно, что эти власти найдутъ для него пароходъ, хотя бы ни для кого другаго не было пароходовъ; что этотъ пароходъ они сдѣлаютъ особенно крѣпкимъ, хотя бы всѣ пароходы, находившіеся въ ихъ распоряженіи, были слабы и неисправны и что, наконецъ, они сдѣлаютъ какъ нибудь (на то они и власти), чтобы море, обыкновенно бурное въ сентябрѣ, сдержало свои порывы на этотъ моментъ. Вообще мнѣ казалось, что всѣ рассказы, которые я слышалъ и о пароходахъ, и о морѣ, рассказы, въ высшей степени неутѣшительные, не всѣмъ относятся до моего семейства, обставленнаго особыми привиллегіями и прикрытаго могучимъ покровительствомъ. Человѣку всегда свойственно думать, что неудачи, несчастія другихъ—вещь, для него совершенно посторонняя.

Какъ ни старался я, однако, ободрить себя,—видъ моря, на которое я смотрѣлъ постоянно и которое могъ обозрѣвать на далекое пространство,

насылалъ непреодолимо въ душу самыя тяжелыя впечатлѣнія. Верстахъ въ семи отъ берега, среди моря, стоялъ какой-то островъ, и я видѣлъ, какъ лѣзли на него громадѣйшія волны и разбивались о его грудь бѣлою пѣною. Въ теченіи ночи впечатлѣнія эти становились просто мучительны. Много ночей я проводилъ, не смыкая глазъ. Съ одной стороны шумъ бурнаго моря, а съ другой свистъ неистоваго вѣтра, въ углы комнаты, гдѣ была моя спальня, наводили на меня невольный ужасъ. Мысль, что въ эти минуты, среди мрачной и бурной ночи, мое семейство во власти яростнаго моря, томилъ душу. Я проклиналъ Кавказъ, который изъ моего покойнаго петербургскаго положенія увлекъ меня въ такую дикую мѣстность, въ такое отчаянное состояніе. Я готовъ былъ отдать полжизни, чтобы видѣть мою семью на берегу, подлѣ меня. Мнѣ казалось, что я никогда не получу ея, что я самъ погубилъ ее. Словомъ, мысли мои становились все чернѣе и чернѣе съ теченіемъ времени.

Само собою разумѣется, что эти внутреннія мои ощущенія никому не были доступны. Добрый Пигулевскій, какъ говорится, изъ кожи лѣзъ, чтобы сдѣлать мое пребываніе въ Баку пріятнымъ и, если устранить эти ощущенія — достигалъ цѣли своихъ усилій самымъ блестящимъ образомъ. Начать съ того, что онъ представилъ мнѣ всѣхъ именитыхъ людей города и уѣзда, старыхъ и почтенныхъ татявъ, которые большею частію мнѣ понравились пріятнымъ достоинствомъ, съ которымъ они держали себя. Потомъ онъ перезнакомилъ меня со всѣмъ административнымъ составомъ города, въ которомъ морской элементъ выдавался самымъ яркимъ образомъ. Я сказалъ уже, что начальникомъ морской станицы въ Баку, былъ морякъ Фрейгантъ, человѣкъ честный, открытый и пріятный. Домъ Фрейганта, сколько по его положенію, столь-

ко же и по наклонности его къ хлѣбосольству, былъ дѣйствительно станціей, на которой всегда можно было видѣть толпы морскихъ офицеровъ, то прибывающихъ, то отбывающихъ и гдѣ всегда было весело, при содѣйствіи танцевъ и пѣнія. Потомъ Пигулевскій окружилъ меня толпою молодежи, какая нашлась въ Баку и которая съ самаго утра наполняла мои комнаты. Въ ряду этой молодежи надо упомянуть Поленскаго, участковаго засѣдателя, т. е. подчиненнаго Пигулевскому. Это былъ отличный молодой человѣкъ, удивлявшій своимъ пребываніемъ въ такомъ захолустьѣ. Красивый собою, образованный, ловкій, онъ могъ бы сдѣлать честь любому изъ петербургскихъ департаментовъ. Какими судьбами онъ попалъ въ Закавказье—я не спрашивалъ; но одно уже то, что онъ былъ полякъ, наполовину разъяснило вопросъ. Закавказье въ этомъ отношеніи дивная страна: чего тамъ не встрѣтишь? Въ эту же поѣздку, ужъ не помню гдѣ, меня встрѣчалъ на обратномъ пути, другой, тоже участковый засѣдатель, въ родѣ русскихъ становыхъ приставовъ — чистѣйшій французъ! Если припомнить, что въ самый день моего прибытія въ Тифлисъ ко мнѣ явился тамъ частный приставъ баронъ де Монфоръ, то будетъ ясно, что Закавказье имѣетъ притягательную силу для разноплеменныхъ авантюристовъ. Затѣмъ въ составѣ молодежи, окружавшей меня, было нѣсколько личностей, завлеченныхъ обширнымъ коммерческимъ предпріятіемъ барона Торнау. Здѣсь рельефно выдавалась фигура Потѣхина-младшаго. Это былъ красивый молодой человѣкъ, только что кончившій курсъ въ Московскомъ университетѣ, съ задатками литературнаго дарованія, тѣхъ же свойствъ и того же размѣра, какъ и у старшаго его брата, въ чемъ я лично убѣдился по многимъ рукописямъ, которыя онъ возилъ съ собою и давалъ мнѣ читать.

Потомъ Пигулевскій устраивалъ для меня различныя поѣздки. Само собою разумѣется, что поѣздка на знаменитые бакинскіе огни занимала здѣсь первое мѣсто: одна была сухопутная, къ храму огнепоклонниковъ, другая морская. Изъ многообразныхъ разсказовъ, какіе я слышалъ на Кавказѣ, извѣстно, что въ Закавказьи появился первоначально какой-то индеецъ, секты огнепоклонниковъ, привлеченный именно бакинскими огнями. Занимаясь духовными дѣлами, онъ вздумалъ попытать счастья и въ мірскихъ дѣлахъ. Попытка эта была столь удачна, что посредствомъ подрадовъ, ростовщичества и другихъ оборотовъ, онъ скоро и сильно разбогатѣлъ и тогда-то выстроилъ храмъ для огнепоклонниковъ, зданіе весьма эффектное и устроенное такъ, что изъ каждой башни его выходили огненные языки, что вечеромъ представляло зрѣлище, истинно великолѣпное и изумительное.

При моемъ посѣщеніи храма я видѣлъ тамъ нѣсколько индійцевъ и между ними старшаго, который, при нашемъ прибытіи, тотчасъ приступилъ къ богослуженію. Началось оно пронзительнымъ свистомъ въ какую-то раковину и появленіемъ огней на различныхъ точкахъ. Потомъ оно очень походило на наши молебны. Старшій что-то читалъ и провозглашалъ, упоминая имя Государя, а потомъ и наши имена, а другіе индійцы, сидя на корточкахъ по стѣнамъ, что-то были время отъ времени. Полагаютъ, что все это богослуженіе не есть истинное богослуженіе огнепоклонниковъ, а сочиненное хитрыми индійцами искусственно въ подражаніе нашему, для того, чтобы придичнѣе обирать посѣтителей. Въ заключеніе этого истиннаго или ложнаго богослуженія старшій индеецъ обносилъ посѣтителемъ на тарелкѣ маленькія кусочки леденцу, а тѣ должны были класть на ту же тарелку свои посильныя приношенія.

Мѣстность кругомъ храма до такой степени изобилуетъ нефтянымъ газомъ, что мальчишки, вырывъ небольшую ямку, тотчасъ воспламеняли ее. На этой мѣстности находились многіе широкіе и глубокіе колодцы, въ которыхъ также пылало пламя, представляя, такъ сказать, наглядное изображеніе ада.

Морская поѣздка представляла своего рода занимательность. На огромномъ катерѣ отправились мы, при наступленіи лунной ночи, въ море, верстъ за семь, если не ошибаюсь. Когда прибыли на то пространство, которое извѣстно своею воспламеняемостью всѣмъ туземнымъ жителямъ, матросы зажгли нѣкоторое количество пакли и бросали ее на воду. Вода, или лучше сказать, газъ изъ нея выходящій, мигомъ воспламенился. Море на значительномъ пространствѣ сдѣлалось огненнымъ, что конечно для непривычнаго глаза представило зрѣлище поразительное. Пламенные волны, качаясь по волѣ вѣтра, довольно впрочемъ тихаго, грозили какъ будто поглотить насъ. Мы отъѣхали на соответственное разстояніе и долго любовались картиною, которую конечно никакое искусство человеческое создать не въ состояніи. На вопросъ мой кто же потушитъ это зажеженное море? мнѣ отвѣчали: „вѣтеръ, когда сдѣлается посильнѣе!“ При нашемъ отъѣздѣ вѣтеръ не сдѣлался сильнѣе и не препятствовалъ совершить намъ обратный путь при самой рѣдкой и оригинальной изъ всевозможныхъ иллюминацій.

Не знаю, надолго ли вода сохранить въ себѣ неприкосновенною эту чудную силу; что касается до той же силы, заключающейся въ землѣ, то она пошла уже на служеніе промышленнымъ цѣлямъ. Баронъ Торнау первый наложилъ на нее свою руку и поставилъ на бакинскихъ огняхъ какой-то парафиновый заводъ.

Наконецъ мы дѣлали поѣздки по окрестнымъ деревнямъ, замѣчательнымъ въ какомъ либо отношеніи, обозрѣвали нефтяные промыслы со всѣмъ ихъ устройствомъ, выдѣлку ковровъ, которою занималось женское населеніе нѣкоторыхъ деревень. Не будучи нисколько специалистомъ въ подобныхъ вещахъ, я смотрѣлъ на все это исключительно со стороны празднаго любопытства; казалось мнѣ впрочемъ, что эти отрасли отличались крайнею неразвитостію, почти дикостію; мнѣ чудилось, быть можетъ и ошибочно, какія бы чудеса здѣсь явились, если бы перенести сюда промышленный духъ англичанъ, напрѣ, ихъ знаніе, ихъ опытность, ихъ страшную паровую силу, двигающую тысячи разнообразѣйшихъ механическихъ приспособленій. Особенно мое воображеніе разыгралось на эту тему, когда, при видѣ двухъ женщинъ, сидѣвшихъ за выдѣлкою ковра, я спросилъ: въ какое время можетъ быть изготовленъ ими цѣльный коверъ, и мнѣ отвѣчали, что на это нужно чуть ли не круглый годъ.

Между тѣмъ время шло и приближалось уже къ половинѣ сентября. Я помню очень хорошо одинъ бурный вечеръ, когда у насъ собралось довольно большое общество. Поленскаго не было. Надо замѣтить, что самая ревизія его была не въ Баку, а въ какомъ-то значительномъ селеніи, называемомъ „Маштаги“ и составлявшемъ центръ всѣхъ другихъ селеній, которыми онъ командовалъ. Большая часть этихъ селеній лежала на берегу самаго моря, такъ что жители ихъ видѣли каждый пароходъ, проходящій мимо ихъ. Въ числѣ этихъ селеній было селеніе Вильги, отстоявшее отъ Баку верстъ въ 30 сухимъ путемъ, тогда какъ путемъ морскимъ, который долженъ дѣлать пароходъ, было верстъ 70 или 80. На этомъ обстоятельстве именно основаны были такія комбинаціи: начальники этого се-

ленія, когда завидятъ пароходъ, идущій изъ Астрахани, который они обязаны были всемірно стеречь, должны были мгновенно дать знать Поленскому, а Поленскій Пигулевскому. Такимъ образомъ нарочные, изъ татаръ, быстрые, какъ вѣтеръ, должны были, пролетѣвъ только 30 верстъ, за нѣсколько часовъ предупредить насъ о прибытіи парохода, которому предстояло проходить Апшеронскій проливъ и дѣлать до 80 верстъ. Когда я, въ этотъ вечеръ, сидѣлъ за картами, сосредоточивая все свое вниманіе не столько на козыряхъ и взяткахъ, сколько на неистовыхъ порывахъ вѣтра, который, казалось, старался одернуть съ мѣста самый домъ, въ которомъ мы находились, входитъ Пигулевскій съ какимъ-то письмомъ въ рукахъ и, обращаясь ко мнѣ, говорить: „Не угодно ли прежде всего заказать ужинъ для встрѣчи, а на завтра обѣдъ!“ Надо замѣтить, что эту часть онъ считалъ дѣйствительно важнымъ дѣломъ, полагая, быть можетъ, свое тщеславіе въ томъ, что она у него такъ отлично устроена. Я мгновенно вскочилъ изъ-за стола и выхватилъ у него бумагу, которую онъ держалъ въ своихъ рукахъ. Это было письмо Поленскаго, которое подлинникомъ и теперь лежитъ предъ моими глазами. Поленскій писалъ:

„Сейчасъ получилъ извѣстіе изъ селенія Вильги, что пароходъ сію минуту прошелъ мимо по направленію въ Апшеронъ, гдѣ на-вѣрно, при столь сильномъ вѣтрѣ, будетъ стоять на якорѣ и не рѣшится идти въ море. Вчера я отправилъ туда нарочнаго, а потому надѣюсь, что къ разсвѣту вы получите извѣстіе настоящее изъ Апшерона о прибытіи семейства Василья Антоновича. Кромѣ того я вновь пошлю туда нарочнаго. 14 сентября 1857. Четверть шестаго по полудни.“

Письмо это надѣлило меня какимъ-то двойственнымъ чувствомъ: радость равно на половину смѣшалась съ тре-

вогою. Фразы: „при столь сильномъ вѣтрѣ не рѣшится идти въ море... будетъ стоять на якорѣ...“ какимъ-то жгучимъ образомъ засѣли въ душѣ и не давали рѣшительно мѣста никакимъ другимъ мыслямъ. Неопытный въ морскихъ плаваніяхъ, я изъ этихъ фразъ заключалъ, что теперь, въ сію минуту, на морѣ дѣйствительно есть опасность, что опасность эта виситъ надъ головой моего семейства и что всѣ успокоительныя фразы Пигулевскаго, Фрейганга и др. чистый вздоръ. Гораздо сильнѣе этихъ фразъ говорилъ мнѣ истину постоянный шумъ моря, доходившій въ наши комнаты, и такіе порывы вѣтра, что часто всѣ присутствующіе значительно переглядывались. Само собою разумѣется, что всѣ эти ощущенія возникали, боролись, смѣнялись одни другими—внутри меня; для общества я сохранялъ полнѣйшее спокойствіе, козырялъ, какъ ни въ чемъ не бывало и съ наружнымъ равнодушіемъ слушалъ споры и сужденія о томъ, придетъ ли пароходъ сегодня или будетъ вынужденъ бурною погодою остановиться на ночь въ Апшеронѣ? Последнее предположеніе взяло верхъ, и самъ Пигулевскій, тонкій и смѣтливый, какъ ни сознавалъ, что всѣ эти пренія представляютъ для меня мало утѣшительнаго, долженъ былъ заключить ихъ фразою: „Да! сегодня ждать нечего; завтра, рано утромъ мы встрѣтимъ нашихъ дорогихъ гостей!“ Послѣ ужина всѣ мы разошлись, и я могу сказать, что во всю мою жизнь не помню такой мучительной ночи, какую мнѣ суждено было провести теперь. Я истинно радъ былъ, когда эта отвратительная ночь стала уступать дневному свѣту. Совершенно разстроенный, я поднялся чрезвычайно рано и, на-скоро одѣвшись, тотчасъ вышелъ изъ дома, чтобы подняться на извѣстную террасу и взглянуть на море. Вскрѣ на террасу, я нашелъ уже тамъ добраго Пигулевскаго, ко-

торый встрѣтилъ меня словами, въ которыхъ ясно замѣчалось собственное его безпокойство: „Нѣтъ! Что-то не видать. Вѣрно, держатся на якорѣ. Ужъ вѣтеръ очень силенъ. Это хорошо, что они выжидаютъ. Безопаснѣе!“

День былъ чрезвычайно сумрачный. Вѣтеръ былъ такъ силенъ, что трудно было на ногахъ держаться. На морѣ взглянуть страшно было. Волны ходили черными горами. Островъ, видимый съ берега, весь былъ въ пѣнѣ. Мучительно было подумать, что все дорогое въ жизни въ эту минуту въ когтяхъ этой коварной стихіи. Другаго, однако, ничего не оставалось дѣлать, какъ ждать съ покорностію Провидѣнію, что будетъ дальше. Съ ранняго утра начали собираться обычные наши собесѣдники съ физиономіями, далеко не такъ оживленными, какъ въ обычное время....

Когда, повторяю, обычные наши посѣтители, подъ видомъ участія въ радостной встрѣчѣ, собрались утромъ 15 сентября, встрѣчать было некого, и потому состояніе всѣхъ было самое напряженное. Тотъ фактъ, что пароходъ долженъ былъ уже прийти, но не пришелъ — былъ ясенъ какъ день, и хотя не былъ никѣмъ высказываемъ ясно и положительно, тѣмъ не менѣе висѣлъ надъ всѣми столбовой гирей. Страшно-бурное море, на которое всѣ непрерывно бѣжали смотрѣть, столь же страшные порывы вѣтра обставляли этотъ фактъ самыми отвратительными соображеніями, которыя видимо блуждали на лицѣ у всѣхъ. Молчаніе, которое обхватило все наше общество, обыкновенно говорливое и шумливое, было выражено въ самой непріятнѣйшей степени. Одинъ только добрый Фрейгангъ старался храбриться изъ всей мочи и блисталъ передъ нами познаніями и опытностію въ дѣлѣ морскихъ путешествій. Онъ утверждалъ, что все это вздоръ, что такіа ли бури бы-

ваютъ на морѣ, и при этомъ начиналъ рассказывать, какія тамъ бываютъ страшныя бури. Онъ утверждалъ, что капитанъ, который управляетъ (по его соображеніямъ) ожидаемымъ пароходомъ, отличный знатокъ дѣла, изучилъ Каспійское море, какъ свои пять пальцевъ и что съ нимъ ничего дурнаго случиться не можетъ. Рассказы его, надо сказать, производили мало практическаго дѣйствія, особенно на меня, и именно потому, что въ тоже время гораздо внушительнѣе разъясняли существо дѣла и раскаты разъяренныхъ волнъ, шумъ которыхъ врывался въ наши комнаты, и свирѣпый свистъ вѣтра.

Между тѣмъ приблизилось время завтрака, за который мы и усѣлись, сохраняя все тоже напряженное состояніе, хотя каждый старался изо всѣхъ силъ разрушить его. Пигулевскій по временамъ сыпалъ своими рассказами, подмѣшивая въ нихъ, какъ и всегда, значительную долю милаго малороссійскаго юмору; Фрейгангъ повѣствовало о моряхъ и буряхъ; Потѣхинъ развивалъ высшіе взгляды на политическую экономію и на варварство крѣпостнаго состоянія; я въ особенности старался, при малѣйшемъ перерывѣ разговора, связывать его и оживлять; но, повторяю, все это шло такъ слабо и вяло, что было нисколько не лучше нашего общаго и глубокаго молчанія.

Въ самомъ началѣ нашего завтрака Пигулевскому доложили, что прискакалъ нарочный отъ Поленскаго. Всѣ вздрогнули. Пигулевскій тотчасъ всталъ изъ-за стола и пошелъ въ свою контору или канцелярію, расположенную въ смежныхъ комнатахъ. Воцарилось общее молчаніе и ожиданіе, которое продолжалось довольно долго. Самое замедленіе возвращенія Пигулевскаго казалось умышленнымъ и многозначительнымъ. Наконецъ онъ появился съ письмомъ въ рукахъ и VI.

какъ-то неестественно улыбаясь произнесъ: „Случилась маленькая остановка!“ Я тотчасъ взялъ изъ рукъ Пигулевскаго письмо Поленскаго и прочиталъ слѣдующее:

„Сейчасъ получилъ рапортъ отъ старшины деревни Касево (кажется такъ; трудно разобрать, потому что Поленскій видимо писалъ кое-какъ, на скорую руку), что пароходъ получилъ поврежденіе близъ деревни. Не знаю, сколь вѣроятно это донесеніе; но во всякомъ случаѣ нужнымъ счелъ васъ объ этомъ увѣдомить, а съ симъ вмѣстѣ сажусь на коня и ѣду туда. 15 сентября 1837. Маштаги. 10 часовъ утра.“

Письмо это, въ которомъ слова только начинались, но не оканчивались и потому представляли значительное затрудненіе, чтобъ разобрать и понять ихъ, свидѣтельствовало самою наружностью своею, во-первыхъ, что Поленскій значительно перетрусился, а во-вторыхъ, что страшно спѣшилъ. Когда было разобрано и прочитано письмо, воцарилось молчаніе, исполненное очевиднаго смущенія. Фрейгангъ началъ было рассказывать, что поврежденіе парохода вздоръ, и пояснять, какія иногда бываютъ поврежденія; но я не сталъ его слушать и тотчасъ потребовалъ тройку лошадей, чтобы летѣть туда, гдѣ случилось поврежденіе, а Фрейганга просилъ дать мнѣ унтеръ-офицера, матроса или вообще спеціальнаго чело-вѣка, который, въ случаѣ надобности, могъ бы распорядиться помощью. Требованія эти были высказаны такъ рѣшительно и настойчиво, что оставалось только немедленно исполнить ихъ. Пигулевскій заявилъ только, что онъ ни за что въ мірѣ не отпуститъ меня одного, а поѣдетъ вмѣстѣ со мною, на что конечно я съ радостію согласился, вида въ немъ истинную привязанность ко мнѣ и значительное вліяніе на народъ, столь необходимое въ подобныхъ случаяхъ. Явилась тройка, и мы съ Пигулевскимъ усѣ-

Русскій Архивъ 1868. 17.

лись въ тарантасъ, а на козлахъ съ кучеромъ помѣстился какой-то морякъ, снабженный „фальшвейерами“ и другими снастями, а главное какими-то специальными наставленіями добрейшаго Фрейганга. Мы быстро понеслись.

Я тотчасъ погрузился въ пропасть самыхъ безотраднѣйшихъ размышленій, среди которыхъ могъ замѣтить и разобрать только то, что по словамъ Пигулевскаго, прежде нежели мы приѣдемъ на мѣсто, мы встрѣтимъ на дорогѣ нарочныхъ, къ намъ вновь посланныхъ Поленскимъ. И дѣйствительно, глубокое безмолвіе, въ которомъ мы продолжали нашъ путь, прервано было возгласомъ нашего ямщика, который болѣе или менѣе понималъ уже въ чемъ дѣло: „Вонъ скачутъ!“ Взглянувъ въ даль, мы дѣйствительно замѣтили двухъ всадниковъ, несшихся на встрѣчу намъ во весь опоръ. Пигулевскій сказалъ: „Это нарочные!“ У меня сердце замерло. Что-то скажутъ они? спрашивала душа. Когда нашъ тарантасъ и всадники встрѣтились — все остановилось. Одинъ изъ нарочныхъ, приблизясь къ моей сторонѣ, протягивалъ какой-то пакетъ. Я мгновенно схватилъ его, сорвалъ печать, развернулъ бумагу, и первые слова, на которыя упали глаза мои, были: „Пароходъ разбился... погибшіе...“

Какъ будто ослѣпленный чѣмъ-нибудь, я закрылъ глаза, выронилъ бумагу и впалъ въ какое-то непонятное и потому неизяснимое состояніе. Тутъ не было ни ужаса, ни отчаянія, ничего опредѣленнаго. Былъ какой-то туманъ, изъ котораго я не могъ освободиться. Самое отчетливое представленіе было то, что я какъ будто видѣлъ трупы моей жены, моихъ дѣтей, перебрасываемые въ сію минуту громадными волнами; потомъ представилось, какъ въ роковую минуту, они звали меня на помощь.... Но ни слезъ, ни жестовъ—ничего не было; я просто оста-

вался истуканомъ съ закрытыми рукою глазами. Пигулевскій изрѣдка и тихо бормоталъ: „Успокойтесь, успокойтесь!“—Прикажете ѣхать дальше!—нестерпѣливо сказалъ я, и мы снова быстро понеслись. Въ продолженіи дороги Пигулевскій пытался возобновлять свои утѣшенія, на которыя я спокойно отвѣчалъ: „Вы видите, что я покоряюсь судьбѣ и право ничего особеннаго не чувствую, кромѣ какого-то страннаго тумана.“ Надо замѣтить вообще, что моя натура не изъ тѣхъ, которыя вдругъ, съ-разу, поражаются какимъ-нибудь сильнымъ впечатлѣніемъ; надобно, чтобъ это впечатлѣніе вошло прежде въ плоть и кровь мою; тогда оно сторицею начинаетъ производить свое развѣдающее вліяніе и долго остается во всемъ моемъ существѣ. Поэтому я никакъ не способенъ внезапно умереть ни отъ горя, ни отъ радости, ни отъ ужаса; все это никакъ не воспринимается мною вдругъ, а входитъ какъ-то долями, постепенно и осаждается тамъ упорно. Отъ этого происходитъ, что когда у другихъ какая-нибудь печаль, живо воспринятая, начинаетъ уже, съ теченіемъ времени, ослабѣвать, проходить, у меня она только отъ времени воспринимаетъ свою развѣдающую силу. Такъ, напримѣръ, я постоянно замѣчалъ, что друзья и родственники, оставивъ кого-нибудь изъ своихъ ближнихъ на кладбищѣ, возвращаются уже домой болѣе спокойными, какъ будто съ окончаніемъ религіозныхъ обрядовъ сознаніе и сила утраты тоже должны, если не совсѣмъ исчезнуть, то на половину уменьшиться. Для меня, напротивъ, въ подобныхъ случаяхъ нѣтъ момента ужаснѣе, какъ именно возвращеніе съ кладбища, когда всѣ возвращаются, а одинъ уже не возвращается и когда исчезновеніе этого одного дѣлается яснымъ въ ужасающей степени. Такъ точно и теперь, въ эту минуту я только предчувствовалъ то, что буду потомъ чувство-

вать; но никакихъ положительныхъ мученій рѣшительно не испытывалъ и даже не плакалъ и, сколько могу припомнить, вовсе не потому, чтобы внутренняя скорбь достигла той ужасающей степени, когда уже не плачуть, а просто потому, что событія подавили мой умъ какимъ-то внѣшнимъ образомъ, сверху, а не вошли въ меня и не проникли всего моего существа. Пигулевскій смотрѣлъ на все это однако не такъ: глядя на мои неподвижно устремленныя въ одну точку глаза, онъ былъ убѣжденъ, какъ потомъ говорилъ мнѣ, что я или уже сошелъ съ ума или сталъ на дорогу къ сумасшествію.

Первые нарочные встрѣтили насъ такою вѣстью верстахъ въ 10-ти отъ Баку, и потомъ я ѣхалъ еще верстъ 10 съ душой, наполненной впечатлѣніями, которыми надѣлила меня эта вѣсть. Надъ всѣми этими впечатлѣніями господствовало ужасающее ожиданіе увидѣть обезображенные трупы моей жены, моихъ дѣтей, обставленные грубыми и грязными татарами. Но милосердному Богу угодно было отвлечь отъ меня зрѣлище, котораго я ожидалъ. Почти безсознательное состояніе, въ которомъ я двигался впередъ, нарушено было новымъ возгласомъ нашего ямщика: „Вонъ еще скачутъ!“ Почему нарочные посылались и скакали какъ въ тотъ, такъ и въ этотъ разъ, не въ единственномъ числѣ—этого я объяснить не умѣю. Ничего, конечно, радостнаго отъ этихъ новыхъ нарочныхъ я уже ожидать не могъ; они могли принести только страшныя подробности страшнаго бѣдствія. Пигулевскій несомнѣнно былъ того же мнѣнія, и потому, когда съ приближеніемъ нарочныхъ, я хотѣлъ, первый, взять пакетъ, который они везли, Пигулевскій выразилъ что-то въ родѣ протеста, который, конечно, не имѣлъ никакой силы. Я взялъ пакетъ, сорвалъ печать, и жадно впился глазами въ бумагу. Послѣ словъ: „пароходъ

разбился въ дребезги....“ слѣдовали слова: „къ счастью величайшему, семейства Василья Антоновича не было на пароходѣ....“ Какая-то сила вытолкнула меня изъ тарантаса; я бросился на колѣни и горячо благодарилъ Бога. Поднявшись съ земли, я бросился цѣловать, прежде всего, моихъ благовѣстителей, присланныхъ нарочными татаръ, не смотря на то, что лица ихъ, едва-ли когда нибудь вымываемые, покрыты были толстымъ слоемъ смѣси изъ пота и пыли, и роздалъ имъ всѣ деньги, какія находились въ моихъ карманахъ. Потомъ крѣпко прижалъ къ груди Пигулевскаго, на глазахъ котораго видны были слезы участія.

Когда водворилось нѣкоторое спокойствіе, такъ сильно взволнованное этою моральною бурей, мы принялись разбирать дѣло и перечитывать доставленныя намъ бумаги. Оказалось, что первая бумага, которую я вырвалъ изъ рукъ передовыхъ нарочныхъ, вовсе не была адресована къ намъ и составляла рапортъ начальника съемки Каспійскаго моря (въ тоже время и начальника парохода) Иващенко командующему Бакинскою станціею т. е. нашему милому Фрейгангу. Иващенко писалъ: „Сего 14 сентября, слѣдуя изъ Астрахани въ Баку, чрезъ Апшеронскій проливъ, пароходъ Куба въ 10¼ час. вечера, разбился. Число погибшихъ еще съ точностію неизвѣстно; спаслось около 50 человекъ. Подробности буду имѣть честь сообщить впослѣдствіи при личномъ свиданіи. Докладывая о семъ вашему высокоблагородію, имѣю честь просить о содѣйствіи и помощи какъ спасеннымъ чинамъ, такъ и спасенію того, чтѣ можно будетъ съ парохода, который совершенно разбить и затонулъ въ камняхъ, немного ниже Шаулана. 15 сентября 4 часа утра“. Эта именно ужасная бумага, въ которой я прежде всего замѣтилъ слова: „разбился, погибшіе“, заставила

меня въ теченіи по крайней мѣрѣ часа, на разстояніи десяти или пятнадцати верстъ, нести въ душѣ тѣ невыразимыя впечатлѣнія, о которыхъ я выше говорилъ. Последняя бумага Поленскаго была слѣдующаго содержания: „Сейчасъ прибылъ въ Швеяны (или Шауланъ, какъ въ донесеніи Иващенко) гдѣ нашелъ капитана разбитаго въ дребезги парохода Куба. Къ счастью величайшему, семейства В. А. не было на этомъ пароходѣ, а то бы сдѣлалось онъ жертвою волнъ морскихъ. Оно будетъ съ слѣдующимъ пароходомъ: Ленкорань. О подробностяхъ крушенія вы узнаете изъ рапорта, посланнаго капитаномъ парохода къ г. Фрейгангу. Пароходъ Ленкорань имѣетъ выйти изъ Астрахани 15 числа т. е. сегодня. Швеяны. 15 сентября, 12 часовъ ровно“.

Разсматривая и соображая эти бумаги, я вдругъ пораженъ былъ мыслию: что если умный, добрый, ловкій Поленскій сочинилъ всю эту исторію объ отсутствіи моего семейства въ часъ гибели, желая этою выдуманною исторіею отдалить и ослабить страшный первый ударъ, сужденный мнѣ Провидѣніемъ? Откуда и какъ онъ знаетъ, что мое семейство въ Астрахани? Можно ли допустить, что пароходъ Куба отправился оттуда, не взявъ моего семейства, если оно дѣйствительно тамъ. Съ другой стороны можно ли считать вѣроятнымъ, чтобы астраханскія власти пренебрегли собственнымъ повелѣніемъ князя обезпечить и ускорить всевозможно переѣздъ моего семейства изъ Астрахани въ Баку и пустили оттуда пароходъ, а мое семейство оставили въ Астрахани? Все это казалось мнѣ, если не положительно невѣроятнымъ, то въ высшей степени сомнительнымъ и начало снова наполнять мою душу тревожными ощущеніями. Пигулевскій употреблялъ всѣ усилія, чтобы разсѣять и уничтожить мои опасенія и изъ всевозможныхъ доводовъ, энергически

приводимыхъ имъ, особенно упорно стоялъ на томъ, что Поленскій никакъ не рѣшится написать неправду. Но такъ какъ мы были уже не далеко отъ мѣста происшествія, то и заключили наши споры рѣшеніемъ ѣхать далѣе, тѣмъ болѣе, что и со стороны Пигулевскаго, какъ главнаго начальника уѣзда, должны были быть приняты разныя, такъ называемыя „соотвѣтственныя обстоятельствамъ“ мѣры.

Когда мы прибыли къ Швеянамъ, наступалъ уже вечеръ. Издали еще мы замѣтили, возлѣ какого-то значительнаго зданія, оказавшагося лучшимъ домомъ этого селенія, принадлежавшимъ зажиточнѣйшему изъ обывателей, нѣсколько странныхъ по одѣяню фигуръ: это были спасшіеся съ погибшаго парохода морскіе офицеры. Намъ указали старшаго, на которомъ была надѣта татарская шапка. Это и былъ Иващенко. Личность эта съ разу поражала замѣчательнымъ умомъ и проявленіями твердаго и рѣшительнаго характера, присущаго болѣе или менѣе всѣмъ морякамъ. Но какъ Иващенко слишкомъ извѣстенъ въ ученomъ мѣрѣ, то и распространяться о немъ я считаю излишнимъ. Достаточно сказать, что онъ былъ, какъ и изъ вышеприведеннаго рапорта его видно, начальникомъ съѣмки Каспійскаго моря и, сколько извѣстно, въ этомъ отношеніи оказалъ драгоцѣнныя заслуги. Именно для производства работъ по этому дѣлу пароходъ Куба и отданъ былъ въ его распоряженіе. Впрочемъ онъ не былъ, какъ Поленскій называетъ его въ своемъ письмѣ, капитаномъ этого парохода. Капитаномъ былъ другой, великолѣпнѣйшихъ качествъ, какъ всѣ утверждали, офицеръ Поскочинъ, къ общему сожалѣнію погибшій при этой катастрофѣ, свято исполняя свой капитанскій долгъ и оставаясь послѣднимъ на кожухѣ парохода, откуда, по словамъ однихъ, былъ снесенъ волнами,

а по словамъ другихъ сбить какою-то плюпкою. Съ нимъ вмѣстѣ, какъ потомъ оказалось, море поглотило хранившееся у него письмо жены моей о причинахъ ея остановки въ Астрахани. Весь экипажъ, судя по оставшимся офицерамъ, составленъ былъ превосходно: это была наболѣе просвѣщенная молодежь нашего флота, жаждавшая не одного внѣшняго блеска, столь увлекательнаго для всякой молодежи, но истиннаго дѣла, истинной пользы той отрасли морской службы, которой себя посвятила. Частію тутъ же, а частію потомъ, во время пребыванія въ Баку, я сошелся со всѣми этими господами на самую короткую ногу, и воспоминаніе о моихъ кратковременныхъ сношеніяхъ съ ними принадлежать къ числу воспоминаній самыхъ пріятнѣйшихъ.

Нѣтъ сомнѣній, что исторія гибели парохода Куба подробно разслѣдована и какъ говорится „выведена на чистую воду“ знатоками дѣла. Я не помню, какъ она изложена официально; не помню даже, читалъ ли я гдѣ нибудь официальное ея изложенье; но хорошо помню изустные рассказы самихъ офицеровъ, сюда относящіеся, и считаю не совсѣмъ излишнимъ привести здѣсь главнѣйшія черты.

Приближаясь къ Апшеронскому проливу, пароходъ шелъ быстро, и всѣ надѣялись въ тотъ же вечеръ, т. е. 14 сентября быть въ Баку. Понятно, что весь экипажъ, занимавшійся постоянно съемкою Каспійскаго моря, достаточно зналъ всѣ условія, сюда относящіяся. Опасности рѣшительно никакой не предвидѣлось. Волненіе было сильное, и вѣтеръ, по выраженію ихъ, былъ „очень свѣжій“; но онъ дулъ постоянно въ задъ, въ корму, и такъ сказать подгонялъ пароходъ. При наступленіи вечера вдругъ, внезапно и неожиданно, случились два обстоятельства: туманъ обхватилъ все видимое пространство, и вѣтеръ, перемѣнивъ свое направленіе, сталъ дуть

не въ задъ, а въ бокъ парохода, къ сторонѣ скалистыхъ береговъ, которыя, по выраженію Иващенко, тутъ являлись „зубами акулы“. Плоскодонный пароходъ, не имѣвшій упора въ водѣ, вѣтромъ стало тянуть къ берегу. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ случилось крушеніе, на нѣкоторомъ разстояніи отъ настоящаго берега, изображавшаго „зубы акулы“, находились въ морѣ каменные гряды, выходившія изъ воды, а еще далѣе такія же гряды подводныя. Когда пароходъ силою вѣтра потянуло къ берегу, онъ скоро ударился о камни подводной гряды; но, какъ говорили моряки, соскочилъ съ нея; вслѣдъ за тѣмъ его потянуло къ той грядѣ, которая выходила изъ воды; пароходъ, по ихъ словамъ, за дѣлъ эту гряду, но только „прочертилъ по ней“, и за тѣмъ вынесенъ былъ на чистое пространство, находившееся уже между пароходомъ и самымъ берегомъ, т. е. „зубами акулы“. Здѣсь тотчасъ брошены были два якоря; одинъ скоро оборвало, а съ другимъ пароходъ снова потянуло къ берегу. Гибель была неизбежна; стали рубить мачту, которая и повалилась именно въ тотъ моментъ, когда пароходъ получилъ первый страшный ударъ. Конецъ мачты упалъ на одинъ „изъ зубовъ“ берега, и этотъ неожиданный мостъ служилъ нѣсколько мгновеній для перехода отъ смерти къ жизни. По этой-то собственно перекладинѣ счастливейшіе успѣли спастись; но она тотчасъ рухнула и прервала остальнымъ единственный путь спасенія. По свидѣтельству спасшихся, изъ всего экипажа спаслось и погибло на половину, какъ офицеровъ, такъ и матросовъ. Изъ спасшихся почти не было ни одного, который бы не былъ ушибенъ и болѣе или менѣе изувѣченъ. Почти всѣ офицеры, при нашемъ прибытіи, собрались около насъ; относительно матросовъ намъ сказали, что они помѣщены въ особомъ строеніи. Мы пошли смотрѣть ихъ,

Зрѣлище было мало утѣшительное. Матросы были помѣщены въ какомъ-то сараѣ и лежали на соломѣ. Еще при входѣ нашемъ насъ встрѣтили раздававшіяся стenanія. Спасшійся пароходный докторъ, кажется Заремба, потребовалъ огня, такъ какъ было уже совсѣмъ темно, и вновь сталъ осматривать каждаго матроса. Мы должны были, почти невольно, присутствовать при этомъ осмотрѣ и испытывать чувство состраданія, смѣшанное съ ужасомъ, при видѣ ранъ и увѣчья, которыми эти люди заплатили за свое спасеніе. Отрадно только было видѣть присущее простому русскому человѣку и въ особенности русскому солдату чувство покорности судьбѣ.... Заремба, о которомъ офицеры отзывались какъ о докторѣ, весьма хорошо, дѣлалъ все, что можно было для облегченія страданій этихъ людей, употребляя конечно самыя простыя, имѣвшіяся подъ рукой средства, ибо всѣ пароходныя медикаменты погибли вмѣстѣ съ пароходомъ, а объ аптекахъ нечего было и думать...

Сдѣлавъ это обозрѣніе, мы должны были принять ужинъ, приготовленный намъ хозяиномъ, въ составъ котораго разумѣется входили неизбежные плавъ, шашлыкъ и т. п., и потомъ легли спать, на походную ногу, условившись на другой день рано утромъ ѣхать на мѣсто крушенія, отстоявшее отъ селенія, въ которомъ мы находились, верстахъ въ трехъ или четырехъ. Между тѣмъ Пигулевскій распорядился, чтобы приготовлены были верховые лошади, тарантасы, телѣги и т. п. Дѣйствительно, едва разсвѣло, мы услышали сильный шумъ на дворѣ, гдѣ рубленая татарская рѣчь смѣшивалась съ топотомъ безчисленныхъ лошадиныхъ копытъ. Послѣ кратчайшаго завтрака все наше общество разсѣлось, большею частію, на верховыхъ лошадей, а частію въ различные экипажи, и пустилось къ мѣсту назначенія, въ сопровожденіи

огромной толпы провожатыхъ и конвойныхъ. Весьма скоро прибыли мы къ берегамъ моря, стоящимъ скалистыми утесами надъ водою.

По свидѣтельству спасшихся моряковъ, буря, которая погубила ихъ пароходъ, уже стихла; тѣмъ не менѣе волненіе было еще такъ сильно, что брызги отъ ударяющихся въ каменные берега волнъ обдавали насъ сильнѣйшимъ образомъ, хотя мы находились, по крайней мѣрѣ, на 10 сажень высоты надъ моремъ. При видѣ прибоя и отлива волнъ, ясно было, что ничто не могло сопротивляться имъ: съ такою силою они ударялись въ берегъ, взбѣгали на скалы и потомъ устремлялись назадъ. Первое, что представилось нашимъ взорамъ, былъ остовъ парохода, перегнутый на зубьяхъ скалистаго берега, далеко внизу отъ оконечной высоты его, на которой мы находились; здѣсь держалось только то, что состояло изъ желѣза; всѣ другія части оторваны, смыты, разнесены. Черезъ этотъ страшный остовъ, недавно живой и сильный, ходили буруны; говорили тутъ и потомъ въ Баку, что въ частяхъ этого остова запуталось какимъ-то образомъ тѣло молодаго капитана, которое хотя можно было видѣть, но достать чрезвычайно трудно. Когда мы пошли далѣе по берегу, то видѣли, что всѣ углубленія его набиты были остатками различныхъ пароходныхъ принадлежностей, по крайней мѣрѣ на пространствѣ пятиверстѣ. Потомъ берегъ теряетъ свой скалистый характеръ и дѣлается отлогимъ и ровнымъ. Слѣдуя этою частью берега, мы видѣли много труповъ, выкинутыхъ уже моремъ. Сопровождавшіе насъ офицеры узнавали знакомыя лица и поминали каждаго соотвѣтственнымъ дѣламъ его словомъ.

Иващенко въ рѣшительномъ принималъ всю отвѣтственность въ дѣлѣ крушенія парохода на себя, уже потому собственно, какъ онъ выражался, что

капитанъ погибъ и не могъ защищаться. Въ этомъ отношеніи онъ нисколько не сокрушался; онъ сожалѣлъ болѣе всего о томъ, что плоды многолѣтнихъ его трудовъ, бумаги и карты, относящіяся къ изслѣдованію и съемкѣ Каспійскаго моря, погибли вмѣстѣ съ пароходомъ. Послѣдствія показали однакожъ, что никакой отвѣтственности на него не легло; напротивъ, онъ снова былъ назначенъ начальникомъ и руководителемъ этого важнаго дѣла.

Когда мы съ Пигулевскимъ возвратились въ Баку, онъ нашелъ тамъ еще письмо слѣдующаго содержанія: „Штурманъ парохода Куба, слѣдовавшаго изъ Астрахани въ Баку, прибывъ ко мнѣ сегодня, въ 12 часовъ пополудни, объявилъ, что послѣ сильнѣйшихъ волненій и шторма, пароходъ Куба вчера вечеромъ, близъ Шавеляны совершенно потерпѣлъ крушеніе: изъ экипажа погибло 4 офицера, въ томъ числѣ и командиръ парохода, до 20 или 25 человекъ нижнихъ чиновъ и совершенно все имущество, какъ казенное, такъ и частное. Первый вопросъ мой былъ о пассажирахъ а въ особенности о семействахъ г. Инсарскаго. „Да“ отвѣчалъ г. штурманъ, Господь Богъ помиловалъ. Супругъ весьма желательно было прибыть на пароходъ Куба въ Баку, зная, что и супругъ ихъ въ Баку. Смерть была бы неизбежная!“ Разговоръ продолжался недолго, потому что г. штурманъ торопился на „Шаховую косу“ къ флотскимъ офицерамъ за палатками, чтобы какъ нибудь укрыть отъ дождей и вѣтровъ спасшихся отъ гибели. Итакъ къ успокоенію сердца г. Инсарскаго, доложите, что семейство ихъ здравствуетъ, и пароходъ „Ленкоранъ“, по словамъ г. штурмана, долженъ отправиться изъ Астрахани сегодня. Дня четыре тому назадъ, прибыло изъ Астрахани судно и на вопросъ мой судовщикъ отозвался, что пароходъ „Ленкоранъ“ близъ Биро-

чей косы, по случаю мелководья, сталъ на мель, но что далѣе, неизвѣстно. Тамъ совершенно безопасно, потому что не въ морѣ. 15 Сентября 1857. Апшеронъ.“ Это писалъ какой-то начальникъ чего-то на Апшеронѣ: „Шустровъ“ или что-то въ этомъ родѣ, потому что настоящей фамиліи я я не могу разобрать, хотя подлинное письмо его у меня и теперь передъ глазами.

Первое время по возвращеніи нашемъ въ Баку посвящено было торжественнымъ погребеніямъ погибшихъ морскихъ офицеровъ, которыхъ, одного за другимъ, злое море выкидывало на берега свои и которыхъ постепенно доставляли въ Баку для погребенія. Позже всѣхъ доставленъ былъ молодой капитанъ парохода, именно потому, что онъ, какъ я упоминалъ уже, запутался въ снастяхъ парохода, откуда достать его было чрезвычайно затруднительно. При погребеніи этихъ молодыхъ людей я молился усердно. Смотри на ихъ синія лица, представляя положеніе ихъ далекихъ отцовъ, матерей, быть можетъ женъ и дѣтей, я плакалъ, какъ братъ ихъ родной. Я усердно просилъ Бога вознаградить ихъ въ будущей жизни и послать имъ тамъ радости, которыя сохранены мнѣ на землѣ.... Такимъ образомъ въ теченіи нѣсколькихъ дней улицы и храмы Баку наполнялись постоянно погребальными звуками, такъ какъ въ томъ краю не только военныхъ, но и простыхъ гражданъ всегда хоронятъ съ музыкою.

Если съ одной стороны отвращеніе отъ меня смертельной опасности наполнило мою душу благодарностью къ Богу, то съ другой тревога эта значительно потрясла мое нравственное существо. Первое разстройство достигло во мнѣ такой сильной степени, въ какой вѣроятно не испытывала его ни одна слабая женщина. Тысячи мрачныхъ мыслей снова стали осаждать меня. „Крушеніе паро-

хода, стало быть, вещь возможная!⁴ думалъ я. „Если погибъ лучшій изъ пароходовъ, управляемый самыми лучшими моряками, специально изучившими море, то что удивительнаго, что гнилой „Ленкорань“, о которомъ всѣ говорили, какъ о мерзвѣйшемъ пароходишкѣ, подъ командою какого-нибудь „испивающаго“ офицера, потерпитъ ту же участь. Это мрачное настроеніе по прежнему сильно поддерживалось постоянно-бурными волненіями моря и тѣми ужасными порывами свистящаго вѣтра, которыхъ я никогда не забуду. Отъ этого происходило то, что въ теченіи дня, окруженный обществомъ, которое значительно усилилось спасшимися офицерами, я держался довольно бодро; когда же наступала ночь и я оставался одинъ съ своими мрачными мыслями,—мнѣ снова слышались стоны моихъ погибающихъ и заливаемыхъ волнами дѣтей. Когда по общимъ расчетамъ приближалось время прибытія Ленкорани, время это не столько радовало, сколько пугало меня. Я ожидалъ, что оно принесетъ мнѣ страшную развязку моихъ сомнѣній.

Безъ преувеличенія можно сказать, что прибытіе этого парохода сдѣлалось живымъ вопросомъ для всего города. Едва ли былъ домъ, въ которомъ бы не толковали о крушеніи парохода, о моемъ непостижимомъ счастьѣ, о моихъ ожиданіяхъ. Нечего и говорить, что на извѣстной террасѣ при домѣ Пигулевскаго съ утра до вечера торчалъ разнокалиберный народъ, высматривающій въ морѣ ожидаемый пароходъ. Принести первому вѣсть о появленіи этого парохода казалось оказать государству величайшую услугу. Всѣ зрительные инструменты, какіе нашлись въ городѣ, сосредоточивались на этой террасѣ. Я помню живо, что среди тревогъ, меня осаждающихъ, я часто хохоталъ при видѣ, какъ какой-нибудь татаринъ, въ первый разъ взявшійся

за подобный инструментъ, рѣшительно ничего не видя, увѣрялъ, что видить идущій пароходъ. Не только эти дикари, но часто и люди высшаго разряда впадали въ большое заблужденіе и утверждали, что пароходъ идетъ, тогда какъ оказывалось, что мы принимали за пароходъ какую-нибудь тряпку на стоящемъ въ морѣ маленькомъ и незамѣтномъ суднѣ.

Но всему бываетъ конецъ, тотъ или другой. Такъ точно былъ конецъ и нашимъ ожиданіямъ; такъ точно долженъ быть конецъ моему многословію, разлившемуся на этомъ пунктѣ. Однажды вечеромъ, дней черезъ пятнадцать послѣ катастрофы, многочисленное общество, постоянно окружавшее меня, по обычаю собралось къ намъ. Было часовъ 11 вечера. Почти всѣ играли въ карты. Ожиданія парохода какъ-то утомили всѣхъ, и объ немъ мало стали уже говорить, какъ будто состоялось общее рѣшеніе: предать все это дѣло волѣ Божіей. Ночь была чрезвычайно темная. Общее вниманіе сосредоточивалось на интересахъ игры, среди которой раздавались звуки ножей, вилокъ и тарелокъ, располагаемыхъ на особомъ столѣ извѣстнымъ „агою“ для ужина. Совершенно незамѣтно является на порогъ занимаемой нами комнаты мой камердинеръ Игнатій и, не обращаясь ни къ кому въ частности, спрашиваетъ: „Позвольте спросить, когда пароходъ идетъ ночью, бывають на немъ огни?“ Мгновенно все обратилось къ нему съ вопрошающими взорами. Многие голоса провозгласили какъ-то странно: „бывають, бывають, что такое?“ Довольный и улыбающійся Игнатій сказалъ: „пожалуйста, огонь видѣтъ!“ Мигомъ все вскочило съ своихъ мѣстъ и бросилось на террасу. Я конечно былъ одинъ изъ первыхъ. Но увы! столько разъ обманутый, я и тутъ рѣшительно ничего не видѣлъ, какими трубами ни вооружался. Но Игнатій упорно сто-

ялъ на своемъ, что видѣлъ огонь. Среди возраженій, которыя посыпались на него со всѣхъ сторонъ, что никакого огня нѣтъ, что ему это почудилось, возраженій, начинавшихъ уже смущать его, чей-то голосъ вдругъ вскричалъ: „вонъ, вонъ, сейчасъ мелькнулъ!“ — „Гдѣ, гдѣ?“ раздались со всѣхъ сторонъ. Но огонь опять пропалъ, и ничего рѣшительно не было видно. Потомъ опять кто-то вскрикнулъ: „вижу, вижу!“ Толпа бросится туда, но видѣвшій опять уже ничего не видитъ. Пройдетъ нѣсколько мгновеній тишины и усиленнаго смотрѣнія, и опять какой-нибудь неистовый возгласъ: „огонь, огонь!“ Какъ мнѣ ни объясняли видѣвшіе это благодатное знаменіе, куда и какъ надобно смотрѣть, чтобы замѣтить его, я рѣшительно ничего не видѣлъ, какъ ни напрягалъ всѣ свои усилія. Большая часть смотрящихъ также ничего не видѣла; но возгласы: „вижу“ или „вонъ, вонъ!“ стали повторяться чаще. Наконецъ и Фрейгангъ, постоянно и молчаливо смотрѣвшій въ длинную трубу, сказалъ: „идетъ!“ Это лаконическое: „идетъ“ привело меня въ истинный восторгъ. Я съ новыми усиліями сталъ смотрѣть въ море, и наконецъ мнѣ самому удалось подмѣтить въ чрезвычайномъ отдаленіи огненную точку, которая то мелькаетъ, то пропадетъ. Все оживилось. Фрейгангъ, сказавъ: „черезъ полтора часа придетъ!“, отправился дѣлать распоряженія для торжественной встрѣчи парохода. Игнатій торжествовалъ, какъ какой-нибудь герой. Я обнялъ и разцѣловалъ его. И дѣйствительно, не постижимо, какъ онъ умудрился на такомъ разстояніи замѣтить свѣтлую точку, которая потомъ ускользала отъ сосредоточенныхъ глазъ всего нашего общества. Потомъ, я не могъ не оцѣнить въ немъ той преданности, съ которою онъ, одинъ, среди ночи, торчалъ на террасѣ, когда никто его къ тому не приглашалъ и

когда не было рѣшительно никакихъ данныхъ, чтобы его полуночное и одиночное ожиданіе увѣнчалось успѣхомъ. Пигулевскій, со своею маніею хлѣбосольтства, немедленно атаковалъ меня вопросомъ: „какой ужинъ прикажите приготовить?“ — „Бога ради распорядитесь сами, любезнѣйшій Левъ Викторовичъ!“ отвѣчалъ я, впираясь глазами въ свѣтлую точку, среди моря, которая дѣлалась все видимѣе на темномъ фонѣ ночи. Набережная начала наполняться толпами народа. На террасу стали прибывать наши знакомые съ женами и даже дѣтьми. Все приняло видъ какого-то праздника. Я сидѣлъ съ трубою передъ глазами и мысленно возсылалъ Творцу теплыя благодарныя молитвы! Скоро у пристани показались большіе катера, усаженные матросами и готовые перевезти насъ на пароходъ, когда онъ станетъ на якорь. Вслѣдъ за тѣмъ полетѣли къ небу ракеты, освѣщавшія эффектно море; стали почти непрерывно жечь фалшвейеры, не только на берегу и катерахъ, но и на всѣхъ казенныхъ судахъ, стоящихъ въ гавани. Милый Фрейгангъ очевидно хотѣлъ показать мнѣ и пріязнь свою и свое морское могущество. Картина была въ высшей степени радостная и оживленная. Наконецъ пароходъ съ шумомъ и свистомъ приблизился и сталъ становиться на якорь. Все общество, кругомъ меня собравшееся, разсѣлось на катера и отправилось на пароходъ.

Описывать встрѣчу мою съ женою и дѣтьми я не стану; она понятна должна быть каждому порядочному семьянину. Дѣти спали уже въ своей каютѣ; не спалъ только прелестный нашъ мальчикъ Лѣодоръ, которому, какъ искупительной жертвѣ за спасеніе другихъ, судьба судила скоро заснуть на вѣки на этомъ чуждомъ берегу далекаго моря....